

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкин С., Воронин В., Устименко С. Интернет и власть // Власть. 2008. № 9.
2. Бронников И.А. Кризис представительной демократии и новые практики гражданского активизма // PolitBook. 2018. № 1. С. 64–78.
3. Бронников И.А. Самоорганизация граждан в эпоху цифровых коммуникаций // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 269–285.
4. Волков Д. Протестные митинги в России конца 2011 — начала 2012 г.: запрос на демократизацию политических институтов // Вестник общественного мнения. 2012. № 2 (112).
5. Мартынов К. От слактивизма к республике. Почему интернет-революции становятся реальностью // Логос. 2012. № 2. С. 19–27.
6. Тимофеева Л. Власть и оппозиция в России: проблемы политического дискурса // Власть. 2007. № . 4.

¹ Белкин С., Воронин В., Устименко С. Интернет и власть // Власть. 2008. № 9

² Волков Д. Протестные митинги в России конца 2011 — начала 2012 г.: запрос на демократизацию политических институтов // Вестник общественного мнения, 2012. № 2 (112).

³ Мартынов К. От слактивизма к республике. Почему интернет-революции становятся реальностью // Логос. 2012. № 2. С. 19–27.

⁴ Тимофеева Л. Власть и оппозиция в России: проблемы политического дискурса // Власть. 2007. № . 4.

⁵ Бронников И.А. Самоорганизация граждан в эпоху цифровых коммуникаций // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 269–285.

Гуторов Владимир Александрович

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель Санкт-Петербургского отделения Российской Ассоциации политической науки (РАПН)
Санкт-Петербург, Россия

О некоторых особенностях современной аналитики либеральной традиции: теоретические аспекты¹

Аннотация: В статье анализируются основные тенденции интерпретации либеральной традиции в современном политико-теоретическом дискурсе. Констатируя факты, свидетельствующие об отсутствии универсальных типологий либерализма в современной научной литературе, автор критически оценивает попытки некоторых ученых обнаружить истоки либеральной традиции в политических идеях и практиках древнего Рима (Ф. Фабри) или даже во вполне ортодоксальном иудаизме (Э. Александр). Такие попытки, безусловно, могут рассматриваться как постмодернистская составляющая именно

современного либерализма, в рамках которой универсалистские тенденции либеральной мысли доводятся до «мистического абсурда».

Ключевые слова: либерализм, традиция, универсализм, постмодернизм, политическая мифология, плорализм, ценности.

Истоки того, что обычно называют либеральной традицией, в отличие от других традиций политической мысли, нельзя определить вполне определенно. Речь, конечно, идет не о частных случаях и ситуативных заимствованиях. В свое время Эдвард Шилз вполне справедливо отмечал в своей книге «Традиция»: «Христианская традиция длится около двух тысячелетий. Либеральная традиция насчитывает несколько веков, марксистская традиция — один век и одну треть. Традиция “модернизма” в искусстве и литературе развивается примерно столько же, как и марксистская традиция или немного больше. Институты, которые имеют наименования, предполагаемые даты основания и известных отцов-основателей, зачастую трудно датировать в точности. Причем не из-за отсутствия существенных фактических данных. Их возникновение может быть постепенным процессом. Гораздо труднее установить исходную точку традиционной цепочки верований или образчиков поведения»².

Даже предельно беглый анализ работ, опубликованных в последние десятилетия позволяет прийти к совершенно определенному и далеко не утешительному выводу: универсальных типологий либерализма до сих пор не существует. Линии, разделяющие его интерпретации, проходят по многим сферам жизнедеятельности и культуры — экономической, политической, социальной, и деятельности интеллектуальной — философии, истории, политике, по регионам и странам, историческим этапам эволюции общественной мысли. Сведение многообразных взглядов и подходов в рамках какой-либо теоретической схемы возможно только путем выделения некоторых исходных принципов, оформившихся уже на раннем этапе существования либеральной традиции. Например, Д.С. Миль охотно заимствовал для разработки собственной версии либерализма концепции античной и средневековой политической философии, идеи Руссо, немецких романтиков и др.³

В свою очередь, попытки выявить параметры так называемой «современной либеральной традиции», как правило, основаны на самых различных точках отсчета. В определенном плане современная либеральная теория постоянно продолжает обращаться к идеям, сформулированным шотландским философом и экономистом А. Смитом в книге «Богатство народов», которая всегда рассматривалась как апология свободы рынка во имя экономической эффективности и против вмешательства государства. Либерализм как политическая теория во многом опирается на аргументы английского философа Д. Локка, отрицавшего абсолютистскую власть и обосновавшего приоритет собственности (и обмена) над политикой. Роль государства сводилась Локком до функции «стража благосостояния». Гарантом этой роли является общественный договор. «Контрактный либера-

лизм» в конце XX в. изыскивает более обширное место для государственных институтов и публичных служб, дополняя Локка критикой рыночного хозяйства в плане его эффективности (в том числе и на уровне экономической науки — разработка новой концепции государственного сектора экономики, регулирование безработицы, эффективная внешняя политика)⁴.

Обсуждая сравнительно недавно эту проблему, Майкл Фриден вполне справедливо и весьма остроумно отмечал: «Не существует единственной, недвусмысленной вещи, называемой либерализмом. Все либерализмы, которые когда-либо существовали и продолжают существовать, выбирают — обдуманно или бессознательно — определенные номера из накопившегося и переполненного либерального репертуара и откладывают в сторону прочие то ли потому, что некоторые элементы несовместимы с другими, то ли из-за изменения интеллектуальных мод и практик. Как следствие, множество систем верований и теорий гнездятся под заголовком “либерализм” и ни одна из них не может вместить в себя все возможности — идеи и разновидности политического устройства — которые могут в себе заключать или сам термин в своей максимальной, но гипотетической полноте, или же те виды либеральных политических практик, которые накопились во времени и в пространстве»⁵.

В этом плане, попытки некоторых ученых обнаружить истоки либеральной традиции в политических идеях и практиках Древнего Рима (Ф. Фабри)⁶ или даже во вполне ортодоксальном иудаизме (Э. Александр)⁷, безусловно, могут рассматриваться как постмодернистская составляющая именно современного либерализма, в рамках которой универсалистские тенденции либеральной мысли доводятся до «мистического абсурда».

В академических кругах обозначенные выше универсалистские подходы встречают, как правило, довольно резкое противодействие. «Либерализм, как вам скажут, — отмечает Э. Фосетт, — это этическое вероучение, экономическая картина общества, философия политики, обоснование капитализма, провинциальный западный взгляд, преходящая историческая фаза или вневременная совокупность универсальных идеалов. Ни одно из этих утверждений не является ложным в строгом смысле этого слова, но любое из них является частичным... Либерализм не обладает мифом о своем происхождении и не имеет года рождения. Хотя его истоки простираются настолько же далеко, насколько вас могут увлечь собственные энергия и любопытство, он возникает и как политическая практика распространяется по Евро-Атлантическому миру только после 1815 года. Либерализм отвечал новым условиям общества, заряженного капитализмом и потрясенного революцией, в котором материальные и этические изменения, хорошо это или плохо, рассматриваются как неотъемлемые»⁸.

Комментируя обозначенную выше тенденцию к обоснованию концепции либерального плюрализма путем ее проекции в ренессансную политическую мысль, Д.М. Парриш, в частности, подчеркивает: «Очевидно невозможно изучать историю ценностного плюрализма с точки зрения того, что

именно различные мыслители должны были непосредственно говорить об этом предмете. Равным образом невозможно изучать историю либерализма на основании того, что его прародители должны были о нем говорить. Ценностный плюрализм, как и либерализм, является изобретенной нами современной категорией, используемой для того, чтобы наклеить этикетку на что-то для нас важное, возникающее таким образом, что те, кто участвуют в его формировании, едва ли способны это замечать. Не существует никакого довода в пользу самого предположения, что история ценностного плюрализма не может быть изучена, как и для того, чтобы предполагать, что мы должны оставить наши попытки понять истоки либерализма. Но их изучение потребует объяснительного подхода, являющегося строгим, но все же обладающего гибкостью, способного обнаруживать многообразные темы, которые данный предмет включает в себя во всем многообразии исторических контекстов»⁹.

На наш взгляд, одной из причин большинства обозначенных выше трудностей является постоянно возрастающее противоречие между общим содержанием либеральной теории и усилением ее *культурной и региональной* вариативности. Истоки данного противоречия восходят к постоянно акцентируемым историческим различиям в формировании либеральной культуры в различных регионах мира. Например, анализ исторических особенностей американского либерализма почти всегда возвращает исследователей к проблеме европейских истоков либеральной идеологии. В современной Европе, в отличие от США, эволюция либеральной традиции оказалась гораздо более сложной и противоречивой: «многое из традиции либерализма было воспринято, но само название ассоциировалось в умах многих с элементами, которые отвергались. Многие из тех, кто, как и в США, называли себя либералами, отмежевывались от существенных частей традиции. Определенные элементы либерализма, в особенности высокая оценка материального благосостояния индивидов, вступили в комбинацию с традицией, которая вдохновлялась и развивалась в форме негативного ответа на неспособность либерализма вытащить из нищеты остаточное меньшинство населения... Традиция европейского либерализма подвергалась суровой критике в интеллектуальных кругах в конце девятнадцатого века вследствие противоречия между предсказываемыми им выгодами и его неспособностью эти выгоды создавать»¹⁰. Так, постепенно на Западе формировались группы, которые Э. Шилз именует «коллективистскими либералами», близкими по идеологическим ориентациям к «демократическим социалистам»¹¹.

Такого рода представления, естественно, не могут не «прагматизировать» до самой крайней степени теоретические подходы к определению самого понятия «либерализм», придавая ему чисто утилитарный характер. «Можно сказать, что либерализм, — отмечает Т. Магнелл, — не является тем, чем он обычно представляется. Термин “либеральный” становится чем-то приближающимся к свободному использованию власти, в особенностях теми политиками, которые готовы продвигать программы, пользуясь

деньгами других людей. Каким образом термин оказывается узурпированным сторонниками экспроприации — это, конечно, любопытно, но не является беспрецедентным для терминов, стремящихся стать почетными. В любом случае присвоение слов только усиливает значение защиты от посягательств на индивидуальные свободы»¹².

На фоне такого рода определений гораздо более респектабельными выглядели близкие по смыслу понятия «консервативный либерализм» и «либеральный консерватизм», символизирующие идеологическое направление, которое часто связывают с именами А. Смита, Д. Юма, Э. Берка, К. Менгера, Ф.А. фон Хайека и многих др.¹³ Несмотря на постоянно ведущиеся дебаты относительно того — можно ли считать либеральный консерватизм вполне устойчивой политической традицией, ученые, как правило, не выражают сомнений относительно как самого понятия, так и различных вариантов его определения, характеризующего «скорее моральную, чем теоретическую приверженность тому, что может быть названо “Великим обществом” и “Абстрактным обществом”, хотя Хайек предпочитает называть его “Расширенным Обществом”»¹⁴. Консервативный либерализм как теория является «попыткой понять причины возникновения этой цивилизации и необходимые предварительные условия для ее последующего существования. Он стремится ответить на кантовский вопрос, в котором объединяются признание индивидуального неведения и успеха, достигаемого коллектививно: каким образом возможно Расширенное Общество с присущими ему индивидуальностью, рациональностью и всем прочим, которое мы бездумно принимаем как данность? Каким образом люди могут сотрудничать и действительно в невероятной степени содействовать друг другу, совсем друг друга не зная? Предлагаемый консервативными либералами ответ вкратце звучит примерно так: человек развивает, но не проектирует систему правил, которая делает такой порядок возможным. Он, если процитировать излюбленные пассажи Хайека из сочинений Адама Фергюсона, сталкивается “с установлениями, которые действительно являются результатом человеческого действия, но не следствием реализации какого-либо человеческого замысла”... Консервативный либерализм — это признание ограниченности индивидуального разума, соединенное с признанием Расширенного Общества, и последующий поиск теоретического понимания системы правил, которые помогают нам преодолеть ограниченность человеческого разума и пользоваться плодами Расширенного общества»¹⁵.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуторов В.А. Российский либерализм как исторический и политический феномен // Идеологии и генезис ценностей современного общества. Коллективная монография. СПб.: РХГА. 2016. С. 155–204.
2. Гуторов В.А. Российский либерализм как исторический и политический феномен: от утопии к реальности // Либерализм: pro et contra, антология / Сост., вступ. Статья, коммент. В.А. Гуторова, сост., послесловие Р.В. Светлова. СПб.: РХГА. 2016. С. 9–116.

3. *Alexander E.* Classical Liberalism & Jewish Tradition. New Brunswick and London: Transaction Publishers, 2003. 173 p.
4. *Devigne R.* Reforming Liberalism. J.S. Mills's Use of Ancient, Religious, Liberal, and Romantic Moralities. New Haven & London: Yale University Press, 2006. 309 p.
5. *Fabry Ph.* Rome du libéralisme au socialisme. *Leçon antique pour notre temps*. Paris: Jean-Cyrille Godefroy, 2014. 244 p.
6. *Fawcett E.* Liberalism. The Life of an Idea. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2014. 468 p.
7. *Freedmen M.* Liberalism. A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2015. 153 p.
8. *Gissurarson H.H.* Hayek's Conservative Liberalism. New York & London: Garland Publishing, Inc., 1987. 222 p.
9. Liberalism. New Essays on Liberal Themes. Ed. by J. Narveson, S. Dimock. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers, 2000. 237 p.
10. *Parrish J. M.* Paradoxes of Political Ethics. From Dirty Hands to the Invisible Hand. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 283 p.
11. *Shils E.* Tradition. Chicago: The University of Chicago Press, 1981. 334 p.
12. *Tully J.* A Discourse on Property. John Locke and His Adversaries. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. 194 p.

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований, проект № 20-011-31349 «Либеральные традиции и ценности в современном мире: основные тенденции трансформации».

² *Shils E.* Tradition. Chicago: The University of Chicago Press, 1981. P. 16.

³ *Devigne R.* Reforming Liberalism. J.S. Mills's Use of Ancient, Religious, Liberal, and Romantic Moralities. New Haven & London: Yale University Press, 2006. p. 1-2.

⁴ См. подробнее: *Tully J.* A Discourse on Property. John Locke and His Adversaries. Cambridge: Cambridge University Press, 1980; см. также: *Гуторов В.А.* Российский либерализм как исторический и политический феномен // Идеологии и генезис ценностей современного общества. Коллективная монография. СПб.: РХГА. 2016. С. 155 сл.; *Гуторов В.А.* Российский либерализм как исторический и политический феномен: от утопии к реальности // Либерализм: pro et contra, антология / Сост., вступ. Статья, comment. В.А. Гуторова, сост., послесловие Р.В. Светлова. СПб.: РХГА. 2016. С. 9..

⁵ *Freedmen M.* Liberalism. A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 5.

⁶ См.: *Fabry Ph.* Rome du libéralisme au socialisme. *Leçon antique pour notre temps*. Paris: Jean-Cyrille Godefroy, 2014. p. 11.

⁷ См.: *Alexander E.* Classical Liberalism & Jewish Tradition. New Brunswick and London: Transaction Publishers, 2003. p. XI.

⁸ *Fawcett E.* Liberalism. The Life of an Idea. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2014. P. XII.

⁹ *Parrish J. M.* Paradoxes of Political Ethics. From Dirty Hands to the Invisible Hand. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 259–260.

¹⁰ *Shils E.* Tradition. P. 224.

¹¹ *Shils E.* Tradition. P. 227.

¹² Liberalism. New Essays on Liberal Themes. Ed. by J. Narveson, S. Dimock. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers, 2000. p. 1.

¹³ *Gissurarson H.H.* Hayek's Conservative Liberalism. New York & London: Garland Publishing, Inc., 1987. p. 10.

¹⁴ *Gissurarson H.H.* Hayek's Conservative Liberalism. P. 11.

¹⁵ Ibid.

Емельянова Наталья Николаевна

Старший научный сотрудник кафедры сравнительной политологии
факультета политологии
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

Политическое развитие стран Южной Азии: актуальные тенденции¹

Аннотация: Проблематика статьи сосредоточена на сопоставлении политических режимов, тенденций и закономерностей общественно-политического развития государств Южной Азии. Сравниваются политico-культурные тренды мусульманских и индуистских стран Южной Азии. Фиксируются актуальные модернизационные модели политического развития стран южноазиатского субрегиона. Отдельное внимание удалено элементам вторичной и форсированной модернизации в политическом развитии южноазиатских государств, южноазиатской системе ценностей в контексте незападного (Non-Western) политического процесса.

Ключевые слова: Южная Азия, политическая модернизация, политический режим, Индия, Пакистан, Бангладеш, Непал, Шри-Ланка, Бутан, Мальдивские острова.

Тенденция по усилению роли Южной Азии в современных международных отношениях во многом определяется доминированием в регионе Индии, претендующей одновременно и на статус глобальной державы. Нью-Дели стремится усилить интеграционные процессы в регионе, благодаря развитию таких организаций, как СААРК и БИМСТЕК, но попытки сформировать единое экономическое и политическое пространство в Южной Азии наталкиваются на проблему политической неоднородности мегарегиона, которая является следствием не столько диспропорций материального и социального положения собственного населения, сколько различными политико-культурными компонентами, регулирующими деятельность политических институтов и определяющими политическое сознание.

Большинство стран региона имеют общее колониальное прошлое, с другой стороны — южноазиатские государства демонстрируют диаметрально разные по установкам попытки выстроить государственность: от формирования гражданской нации до военных режимов, основанных на ценностях ультраконсервативного ислама. Параллельно в новейшей истории стран Южной Азии не последнюю роль играет и монархический компонент (Бутан, Непал до 2007 года). Перечисленные аспекты, в свою очередь, наслаждаются на процессы модернизаторского авторитаризма, превалировавшие во второй половине XX в., а также разновекторность политического разви-